

401. Ваша преданность Зениту

«Люди Спартака и Эйндховена торопились больше нас, это потому, что их императоры были еще глупее, чем правитель Аякса». При упоминании имени Красича в сердце Сун Фей вдруг поднялась злоба. Он произнес эти слова с холодной усмешкой, сдержав свой порыв наброситься на этого вражеского принца.

Бешено выл ночной ветер; он дул с такой силой, что, казалось, по лицу проходит лезвие ножа, и поднимал в воздух кучи песка.

Сун Фей, подумав о цели этого путешествия, немного успокоился, ненависть стала отпускать его. Подняв голову и увидев луну, он вдруг опечалился. Подумав, он извлек из кольца кувшин вина и две рюмки. Затем он изящно достал аппетитный десерт и положил на прекрасный ковер.

Он налил себе рюмку, опрокинул ее в рот и продолжил разговор.

«Когда я был в столице империи Санкт-Петербурге, вместе с войском по пути в город Двух флагов, я часто слышал речи всяких романтических бродячих певцов, восхваляющие мудрость, доброту и храбрость великого Киву. Поэтому я все время задавался вопросом, почему терпение этого императора, выжидавшего двадцать шесть лет, вдруг лопнуло? Тут может быть только одно объяснение: его союзники больше не желали ждать... Вот так. Хе-хе, он не испугался богоподобного противника, но спасовал перед своими союзниками!»

«Интересное замечание... Верно, по изначальному плану империи, война должна была начаться лишь через год». Вертонген не понимал, что творилось на душе у Сун Фей. Однако он не разводил церемоний, взял кувшин и сам налил себе рюмку до краев. Выпив ее до дна, он восхищенно вздохнул: «Изделие двора Зенита? Просто восхитительно, только на бескрайних просторах плодородных земель Зенита могли сделать столь прекрасное опьяняющее вино. Пески Аякса же только и годятся, чтобы закапывать тела и скелеты мертвецов, сеять повсюду смерть и бедствия».

«Борьба за землю и людские ресурсы в любую эпоху приводит к войнам, в этом плане я полностью понимаю Аякса. На этом материке всем нужны самые плодородные земли, самые комфортные условия существования». – Сун Фей вспомнил слова диктатора прежних времен. Тогда в этом знали толк, разбирались досконально. Слегка вздохнув, он продолжил: «Поэтому, даже если и не было бы позорного разгрома города двадцать шесть лет назад, то война все равно бы началась, правильно я говорю?»

Вертонген кивнул в знак согласия.

Потом он схватил кусок десерта и отправил его в рот. Стерев со рта крошки, он облизнул губы.

Обстановка была несколько странная.

Его Высочество вел себя все более неподобающим принцу империи образом, особенно принцу государства, враждебного Сун Фею. Сун Фей тоже действовал не так, как следует вести себя с принцем. Они больше походили на двух приятелей-шалопаев, часто встречавшихся, чтобы поесть и выпить; двух парней, собравшихся ночью приударить за девушками.

Со стороны казалось, что они наверняка о чем-то договариваются в личных интересах.

На самом деле, у Сун Фей был именно такой план.

Улыбнувшись, Сун Фей между прочим предложил: «Как ты думаешь, раз великий Киву не хотел так рано начинать войну, в Зените царит хаос, а мне совсем не хочется воевать, может, лучше нам прекратить войну? Через год мы может к этому вернуться».

«Ваше Величество шутит». – Вертонген поднял голову и уставился на Сун Фея. Увидев искренний взгляд Сун Фея, в котором не было и намек на шутку, он помолчал немного, а затем, покачав головой, ответил: «Это невозможно. Ваше мнение насчет того, как вести эту войну, никого интересует, а мое и подавно».

«Вы просто повергаете меня в уныние». – Сун Фей скривился.

Его Величество отобрал рюмку у Вертонгена и налил себе. Выражение его лица менялось быстрее, чем листаемые страницы книги, с суровой угрозой он сказал: «Не веришь мне – избью до полусмерти и захвачу город Двух флагов; если армия Аякса будет колебаться и, наконец, осмелиться осадить город, я отрежу от твоего тела кусок мяса и отправлю им, посмотрим, кто из нас торопиться!»

Вертонген знал, что он не может быть противником этому своему ровеснику. Однако, он нисколько не боялся и от безысходности рассмеялся: «Вы... Действительно непредсказуемый, но это все бесполезно».

Его Высочество выпил еще и, покачав головой, улыбнулся: «Вы так думаете потому, что знаете великого Киву только по рассказам романтических бродячих певцов. Вы никогда с ним не встречались, поэтому не понимаете его. На самом деле, ни один по-настоящему амбициозный и мудрый император не оставит ради своего маленького сына планы, вынашиваемые в течение двадцати шести лет. Такая угроза задевает честь знатного дворянина, этого нельзя оставлять. Кроме того, я всего лишь один из ста тридцати наследников императора-отца. Холодная кровь – это то, что есть у всякого правителя».

«Послушав тебя, кажется, что все так и есть». – Сун Фей, улыбаясь, налил себе еще рюмку: «Раз я не могу схватить тебя, давай я тебя убью, хорошо? Без тебя семидесятитысячное войско Аякса, стоящее вокруг города Двух флагов, рассыплется, как песок. До прихода вашего подкрепления я его уничтожу безо всяких усилий».

«Хотя я всего лишь один из ста тридцати шести сыновей императора, для него я все-таки что-то значу, кроме того, за мной стоят мастера, которых Киву задевать не смеет. Поэтому, убив меня, вы разворошите осиное гнездо: придет время, и не только город Двух флагов, ваш Шамбор постигнут величайшие беды. Александр, вы хитрый парень, и наверняка уже давно выяснили мой статус в Аяксе и историю наших мастеров. Поэтому вы меня не убьете, иначе вы давно меня прикончили еще днем, когда ставили лагерь, не так ли?»

«Правда, а тебя голыми руками не возьмешь». – Сун Фей без интереса покивал головой.

Посмотрев на горящую кровавым светом луну на небе, его Величество уставился на самодовольно улыбающегося принца Аякса и с яростью проговорил: «Все правильно, перед тем, как приехать в город Двух флагов, я все тщательно разузнал о командире передовых отрядов Аякса, а также о его сильных учителях и не менее сильных братьях. Вот угораздило меня столкнуться с таким парнем, как ты. Зенит, наверное, сможет заплатить за то, что разозлил императора Киву и твоих учителей, но мой Шамбор сейчас этого никак не перенесет».

«Ха-ха, оказывается, вы не так безгранично преданны двору Зенита, как рассказывают командиры Аякса. Иначе, столкнись Шамбор с самой страшной бедой, вы не упустили бы такой

прекрасный случай уничтожить семьдесят тысяч войска Аякса... Ха-ха, вы говорите, что вам не повезло встретиться со мной. Но я должен признать, что мне очень повезло увидеть вас. Встреть я какого-то другого безумца, который ни о чем не думал, возможно, давно бы уже погиб?»

Уступающий Сун Фею по силе, занявший на глазах тысяч людей проигрышную позицию, пустивший все на самотек, гордый в душе Вертонген был унижен. Но в ходе этого разговора ему, наконец, удалось вернуться к прежнему состоянию, поэтому он самодовольно улыбался.

«Ваше Высочество, предупреждаю, не вздумайте злить меня. Я себя контролирую плохо, если гнев ударит в голову, то, неровен час, могу сотворить что-нибудь безумное, вызывающее ярость богов и людей». Сун Фей слегка разозлился. Но вдруг он как будто что-то вспомнил и самодовольно усмехнулся: «Ха-ха, я подчистую сжег все продовольствие для твоего семидесяти-восьмидесятитысячного войска, если бы они не отступили, то умерли бы от голода!»

Услышав это, Вертонген разом помрачнел; его лицо вновь приняло мстительное выражение.

Для людей Аякса это продовольствие было высшей ценностью, его запасы собирало по крупницам множество людей. Более того, в пустыне даже крошка хлеба была дороже золота. То, что его разом сожгли, было для Вертонгена ударом ножа в сердце, причем ножа, покрытого шипами, способного вырвать кусок мяса.

«Эх, ну ладно, пора. Если мы будем болтать и дальше, то в лагере что-нибудь случится. Более того, у нас нет никаких общих тем для разговоров». Сун Фей лениво потянулся, встал и спрятал кувшин с вином в кольцо. Он дал обстоятельный совет: «В эти несколько дней не стоит атаковать город, иначе я не могу ручаться, что не пошлю ночью людей, чтобы они проникли в ваш лагерь и что-нибудь там натворили, например, насыпали яду в ваши колодцы».

Вертонген переменялся в лице.

Этот парень перед ним играл не по правилам, что бы тот не говорил, все повергало его в ужас: это был действительно непредсказуемый противник.

Вдруг его осенило, и он рассмеялся: «Наши глубокие колодцы соединяются с подземными реками города Двух флагов, как только яд распространится... Ха-ха, если вы хотите отравить даже своих, то это легко».

«Твою мать!» - Сун Фей, не сдержавшись, бросил весьма грубое для Вертонгена ругательство.

Неизвестно почему, но во время пребывания в Санкт-Петербурге он всегда чувствовал себя усталым. Но сегодня вечером, общаясь с этим вражеским командиром, он был необыкновенно расслаблен. Ему не нужно было постоянно бороться, тщательно взвешивать каждое слово, все было по желанию. Невольно у него вырвалась старая присказка: «Я знаю средство, потому не боюсь».